

В поисках баланса на нефтегазовом рынке

Интервью с управляющим директором компании VYGON Consulting Григорием Выгоном

Елена Забелло
OGJRussia

Уважаемый Григорий Вадимович, хотелось бы обсудить вопросы, связанные с развитием нефтегазового направления как в России, так и за рубежом. Позвольте начать с тенденций на мировом рынке, а затем перейти к ситуации в российской нефтегазовой отрасли. Как долго продержится низкая цена на нефть? Ваш прогноз средней стоимости нефти в 2016 году.

Избыток нефти постепенно сокращается. Это связано как с начавшимся падением сланцевой добычи в США, так и с ростом потребления нефти в мире, в том числе и в странах ОЭСР, и в Китае и других не входящих в ОЭСР государствах. Мы ожидаем, что к началу следующего года избыток нефти будет ликвидирован, то есть рынок окажется сбалансированным. Уже сегодня информационные сигналы от стран-производителей, таких как Россия, США, страны ОПЕК, фиксирующие происходящие тенденции, толкают цену вверх. Поэтому мы ожидаем, что в среднем нефть в 2016 году вполне может стоить до \$50/барр, то есть выше текущих уровней.

Как повлияет на мировой рынок в 2016 году сланцевая нефтяная революция в США и Канаде?

Наиболее фундаментальные последствия сланцевой революции проявились в системе балансировки рынка. Развитие технологий добычи нефти плотных пород привело к тому, что на протяжении нескольких лет добыча нефти в США увеличивалась более чем на 1 млн барр/сут ежегодно и в какой-то момент достигла 9,6 млн барр/сут. В результате в IV квартале 2014 года, когда на рынке образовался значительный избыток нефти, цены начали стремительно падать.

Сегодня консенсус экспертов заключается в том, что добыча сланцевой нефти в США будет находиться на уровне 5–5,5 млн барр/сут при ценах на нефть около \$60–65/барр. Это означает, что если цена вырастет существенно выше этого уровня, то американцы резко увеличат добычу, что может опять привести к появлению избытка, который прижмет цены вниз.

Управляющий директор компании VYGON Consulting Григорий Выгон

Как повлияет на мировой рынок добыча сланцевого газа и начало экспорта СПГ из США в 2016 году?

Сланцевая газовая революция сначала привела к тому, что США стали крупнейшим производителем газа, самодостаточным в плане обеспечения внутреннего спроса. Из-за этого многие проекты, ранее ориентированные на Америку, были вынуждены искать новые рынки сбыта либо вовсе не состоялись (например, наш Штокман). Кроме того, отсутствие возможностей экспорта привело к затовариванию рынка в США и падению внутренних цен с \$8/МБТЕ до \$2/МБТЕ. Одним из последствий этого стал экспорт дешевого угля из США в Европу и замещение газа углем на европейских электростанциях.

С началом экспорта СПГ на рынке появится новый заметный игрок. Отгрузка танкеров уже началась, пока они ориентированы на Латинскую Америку. Появление такого крупного поставщика (ожидается, что США к 2020 году смогут экспортировать до 40 млн т СПГ, а к 2030 году — около 100 млн т) будет означать

давление на газовые цены, снижение арбитража между Европой и Азией (что, собственно, сегодня уже имеет место из-за падения цен на нефть), а в перспективе — отвязку газовых цен от нефтяных. Для России это повышает экономические риски при реализации дорогостоящих проектов в Арктике и Восточной Сибири.

Какова роль ОПЕС в формировании мирового баланса и цен на нефть?

Раньше ОПЕС действительно выполняла функцию по балансировке рынка, однако сегодня ее роль существенно снизилась. Тем не менее, имея значительные запасы нефти, в том числе те, которые могут быть быстро и с небольшими затратами введены в разработку, ОПЕС может создавать дисбаланс на рынке, тем самым существенно снижая цены на нефть. Здесь возможности у картеля по-прежнему велики, другое дело, что пользоваться ими ему самому невыгодно, потому что бюджеты стран ОПЕС ориентированы на высокие цены. Резервы государственных фондов не безграничны и при низких ценах быстро сокращаются. Получается, что ОПЕС сегодня имеет краткосрочную власть по дестабилизации рынка: картель может либо обрушить рынок, завалив его нефтью, либо создать искусственный дефицит, сократив добычу. Однако, когда это приведет к росту цен на нефть, американские компании быстро увеличат добычу и займут нишу ОПЕС. Именно поэтому картель с конца 2014 года не предпринимает никаких действий, а лишь ждет, когда рынок сбалансируется за счет роста потребления и падения добычи в США.

Куда, по-вашему, будет экспортировать нефть и газ Иран? Он может создать России реальную конкуренцию?

Сегодняшний углеводородный экспорт Ирана — это около 1,4 млн барр/сут нефти, поставляемой преимущественно в страны АТР, и порядка 9 млрд м³ газа, идущего в Турцию.

Иран после снятия санкций, запрещающих ему поставлять нефть в страны ЕС, прежде всего заинтересован в своем возвращении в Европу — в объеме порядка 0,6–0,8 млн барр/сут.

По запасам природного газа страна занимает второе место в мире после России. Текущая добыча газа находится на уровне 220 млрд м³. Экспортный потенциал Ирана к 2025 году — в диапазоне 15–80 млрд м³.

Становление Ирана как крупного экспортера газа требует времени. Текущие трубопроводные мощности в европейском направлении заканчиваются на границе с Турцией и составляют 14 млрд м³, из которых 10 млрд законтрактованы Турцией до 2026 года. Для начала поставок трубопроводного газа в Европу придется создавать соответствующую инфраструктуру с нуля. Также у Ирана имеются давние планы строительства заводов по сжижению газа, реализация

IN SEARCH OF A BALANCE IN THE PETROLEUM MARKET

Oil & Gas Journal Russia discussed with Grigory Vygon, Managing Director of the VYGON Consulting company, the situation in the oil and gas sector both in Russia and abroad. Such issues as taxing, LNG market development, exchange oil trade and the world petroleum market trends were discussed during the interview.

Elena Zabello

которых была невозможна в условиях технологических санкций. Суммарная мощность существующих проектов СПГ составляет 40 млн т в год.

В будущем Иран может стать серьезным конкурентом для России на европейском рынке. Тем более что появление иранского газа в Европе полностью соответствует концепции развития Южного газового коридора ЕС.

Что будет с добычей углеводородов в России? Она упадет или вырастет? Возможно ли снижение экспорта нефти уже в текущем году?

Ожидается, что добыча нефти и конденсата в России в этом году вырастет на 1–1,5%, то есть рост составит примерно те же 7 млн т, что и в прошлом году. Правда, в 2015 году рост был во многом обусловлен увеличением добычи газового конденсата (в минувшем году прирост добычи конденсата составил свыше 5 млн т), а также ростом объемов бурения и наращиванием добычи на новых проектах, таких как месторождения им. Титова и Требса, активы Иркутской нефтяной компании и ряд других. В нынешнем году основными драйверами роста добычи будут гринфилды — Мессояха, Новопорт, те же им. Титова и Требса, Сузунское, Имилор, Филановского и т. д.

Мы ожидаем, что переработка в этом году, так же как и в прошлом, упадет — из-за ухудшения экономики. Вследствие падения цен на нефть произошло снижение объемов таможенной субсидии. В результате маржа простых заводов стала отрицательной, многие НПЗ оптимизируют объемы производства, снимают так называемый мазутный слой для улучшения структуры выходов. Уменьшение объемов переработки может составить около 10 млн т. Поскольку в России будет происходить рост добычи и снижение переработки, объем экспорта сырой нефти однозначно увеличится. Наша оценка по росту экспорта в 2016 году — 15 млн т.

Расскажите о перспективах шельфовых проектов в России — с учетом низких цен на нефть.

Мы считаем, что добычные проекты на арктическом шельфе с учетом низких цен на нефть, финансовых и технологических санкций против отдельных компаний сегодня не должны являться приоритетом. Это высокорисковые, дорогостоящие проекты, их разумно отложить. Другое дело, что изучать шельф

необходимо, тем более если мы ожидаем восстановления цен на нефть до уровня \$65/барр.

Соответственно, на сегодняшний день правильным решением было бы предоставление возможности проведения мультиклиентской сеймики на шельфе с дальнейшей продажей геологической информации заинтересованным российским компаниям.

Нужна ли в России биржевая торговля нефтью? Зачем?

Для внутреннего рынка особенно не нужна. В России цена на нефть определяется по экспортному паритету, причем разные направления дают очень близкие значения нетбэка. Поэтому внутренняя цена считается легко, по формулам. На большинстве НПЗ давно заключают формульные контракты с добывающими компаниями. Там, конечно, есть нюансы, связанные с различным качеством нефтей, логистикой и т. д., но в принципе проблемы ценообразования для потребителей нефти, то есть для нефтеперерабатывающих заводов, сегодня нет.

России нужна биржа по экспортной смеси Urals и, возможно, по нефти ВСТО. Это необходимо для того, чтобы иметь более адекватное, прозрачное ценообразование. Сегодня мы торгуемся на основании дисконтов к котировкам Brent (смесь нефти 4-х шельфовых месторождений: Brent, Forties, Oseberg и Ekofisk), объемы добычи на соответствующих месторождениях постоянно снижаются. Сегодня объемы экспорта российской нефти в 5 раз превышают всю добычу смеси Brent, и Urals могла бы стать глобальным бенчмарком.

Почему у нас так трудно запускаются новые СПГ-проекты?

Потому что у нас есть всего три газовые компании, для двух из которых и была проведена частичная либерализация экспорта СПГ. «Газпром» заводы СПГ строить не любит, никогда этим не занимался, предпочитает трубопроводы. «НОВАТЭК» свой проект «Ямал СПГ» запускает. «Роснефть» не смогла договориться с «Газпромом» о транспортировке своего сахалинского газа до предполагаемого места строительства «Дальневосточного СПГ». Проект «Печора СПГ» самостоятельно реализоваться не смог и был продан «Роснефти». Вот, собственно, и все причины: малое количество игроков, конфликт интересов между ними и приоритет трубопроводных проектов.

Каковы перспективы развития внутреннего рынка газа, и есть ли вероятность увеличения доли на мировом экспортном рынке?

Перспективы развития внутреннего рынка газа сегодня печальны. Во-первых, у нас стагнирует спрос из-за падения экономики. Во-вторых, европейцы всячески сопротивляются любым нашим новым проектам. С учетом явного избытка свободных добычных мощ-

ностей вследствие ограничения внутреннего и внешнего спроса компании и государство теряют деньги из-за нереализованного добычного потенциала.

При этом из-за несовершенства российского законодательства наблюдаются явные перекосы, связанные с тем, что «Газпром» и независимые производители газа (НПГ) зарабатывают совершенно разные деньги на продажах на внутреннем рынке. Причем в одном случае «Газпром» зарабатывает гораздо больше НПГ за счет экспорта, в другом — он теряет за счет обязательств по поставкам на внутренний рынок населению, быту и прочим непремияльным потребителям. Кроме того, он страдает от неплатежей и не имеет возможности конкурировать по цене с независимыми производителями. Все это приводит к тому, что компания теряет рынок, а НПГ увеличивают свою долю, причем «отъедая» именно премиальных потребителей. Эти проблемы президент поручил решить около двух лет назад, но за прошедшее время не произошло никаких движений в направлении формирования оптимальной модели внутреннего рынка. Ведутся вялотекущие дискуссии без малейшей надежды на компромисс, а нормальной, конструктивной работы нет.

Что касается увеличения доли на мировом рынке, то, на мой взгляд, наша доля будет снижаться. Объемы продаж в Европу вряд ли будут расти без либерализации трубопроводного экспорта. Также можно констатировать, что мы потеряли время, поэтому возможности существенного увеличения поставок газа в АТР сегодня маловероятны. В тот момент, когда мы наконец начнем продавать Китаю заявленные 38 млрд м³ газа (а это произойдет явно после 2025 года), потребление газа и объемы его мировой торговли существенно возрастут, из-за чего наша доля просто размоется.

Своевременно ли сейчас приватизировать пакеты акций «Роснефти» и «Башнефти»?

С точки зрения финансового инвестора продавать надо, когда дорого, а покупать — когда дешево, иначе разоришься. Но в случае когда в качестве инвестора выступает государство, все становится несколько сложнее. Логика другая — не заработать больше, а получить деньги, когда они нужны. Кроме того, когда цены на энергоносители падают, то общая тенденция — продавать доли или даже полностью приватизировать госкомпании. Это нужно делать потому, что частные компании существенно эффективнее государственных. В условиях высоких цен эта разница большой роли не играет, а в условиях низких — становится заметной. Поэтому, с одной стороны, государство, продавая акции госкомпаний, зарабатывает хоть какие-то деньги в условиях дефицита бюджета, с другой — появляется надежда, что эти госкомпании будут управляться более эффективно, соответственно, будут больше зарабатывать. Так что сейчас вполне можно и приватизировать эти госпакеты. ⬇